

ДОКТОР НОННА

БЕНТЛИ
ДЛЯ КОРОЛЕВЫ

Житейские истории

Доктор Нонна

Бентли для королевы

«ЭКСМО»

2011

Нонна Д.

Бентли для королевы / Д. Нонна — «Эксмо»,
2011 — (Житейские истории)

Автомобиль «Бентли» в наши дни – свидетельство респектабельности и богатства. Сложно представить, олицетворением чего была машина этой марки в советские 70—80-е годы! Именно тогда для русской девушки из неблагополучной семьи это средство передвижения стало символом свободы. На протяжении всей жизни, в кризисные ее минуты, Наташа всегда вспоминала о машине и мечтала во что бы то ни стало вернуть себе «Бентли».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Доктор Нонна

Бентли для королевы

*В жизни не все происходит по общепринятым правилам, но
Господь всегда вознаграждает по справедливости.*

М. Шнеерсон

Глава 1

Это сладкое слово – свобода

С неба сыпал холодный нудный дождь, прибалтийская осенняя сырость пронизывала до костей. Одетая Наташа была совсем не по погоде – в летнее ситцевое платье, с тонкой шерстяной шалью на плечах, в босоножки. До остановки она дошла, промокнув насквозь, от холода стучали зубы.

Мокрая скамейка под расписанием автобусов была пуста. Растерянно оглянувшись, Наташа заметила только странную, необыкновенно красивую машину. Таких автомобилей она никогда не видела: серебряная, длинная, почему-то с большой блестящей металлической решеткой спереди – в общем, неземная. Наверное, стоит немислимых денег.

Да фиг с ней, с машиной. Наташе, наверное, придется долго ждать незнакомого Сергея под дождем. Но ничего, она всю жизнь ждет и терпит, а Эстер не могла ее обмануть. Надо будет – Наташа простоит здесь до ночи. Ради новой жизни, ради того, чтобы оправдать доверие подруг и доказать всем, что она, забитая физически и морально девочка, стала Красавицей и Стервой с большой буквы, она потерпит.

Неожиданно чьи-то сильные руки обняли ее и, распахнув дверцу автомобиля, подтолкнули на заднее сиденье. Стоящий под дождем сорокалетний мужчина приветливо улыбался.

– Садись, грейся, Наташа.

– Ой, я же испачкаю вам чехлы, – сказала она, клацая зубами.

– Это ваш автомобиль, мадам! Добро пожаловать! – услышала она в ответ. – Я Сергей. Буду тебе и Наде помогать по хозяйству и учить водить автомобили. Хочу тебе сказать, что «Бентли» это не машина, это стиль жизни. По сравнению с нашими советскими «Волгами» и «Жигулями» она космический корабль, а не ведро с железками. Совершенно новая, выпуска прошлого года, тысяча девятьсот семьдесят восьмого. Заметь – кожаный салон, центральный замок, электроподъемники стекол, а еще кондиционер и подогрев сидений. Впечатляет?

– Наверное. – Наташа провела рукой по коже сиденья. – Я не знаю, какими должны быть легковые машины. Я из Гусева, из военного гарнизона. Я еще никогда не ездила на автомобилях, только на автобусе.

– Тогда тебе повезло, с этой машиной получишь классные впечатления. Таких «Бентли» было выпущено всего пятьсот пятьдесят экземпляров.

– Ах вот как... – Больше Наташа ничего не могла сказать, только ощущала внутренний восторг от происходящего.

Обойдя автомобиль, Сергей сел на водительское место.

– Сейчас включу печку, и сразу станет тепло.

«Вот оно – начало новой, сказочной жизни», – подумала девушка.

Сегодня Наташа вышла из тюрьмы, где отсидела пять месяцев. Ее обвинили в поджоге собственной квартиры, приведшем к смерти отца и двух старших братьев.

Весь их подъезд, дом и местное отделение милиции были счастливы, что случай избавил их от трех уродов, терроризирующих весь район.

Пьяный отец мог жестоко избить любого человека ни за что, от плохого настроения. Особенно от него доставалось молодым рядовым-новобранцам, то есть салагам, только что призванным в ряды орденоносной Советской армии.

Два раза его наказывали по служебной линии, делали выговор и лишали премии, но прапорщик Петр Сташенко не мог унять своей страсти к избиению тех, кто слабее его. Три раза его мутузили дембеля, помня о первом годе службы. Тоже не помогло.

Двое его сыновей «доили» соседнюю школу – отбирали у первоклашек и хлипких ребят деньги, красивые ручки и всякие яркие мелочи, приглянувшиеся им, – от ластиков до брелоков. Подозревали их и в сексуальных приставаниях к школьницам, но запуганные девочки заявлений не писали.

После восьми классов братья пошли работать в автосервис, но школу не забывали: даже через десять лет заходили «пострелять мелочишку».

В первые минуты после ареста Наташа настаивала на том, что сознательно подожгла квартиру, желая избавиться от своих мучителей. Но позднее, наученная подругами-сокамерницами, сменила показания. После «правильного» расследования с участием высокооплачиваемого адвоката ее признали невменяемой и отпустили.

При прощании в камере тоненькую Наташку по очереди обнимали женщины, оставшиеся в тюрьме. Последней ее поцеловала лучшая подруга – Эстер. Накинув ей на плечи теплую шаль, она погладила ее по волосам.

– Тебя встретят на автобусной остановке, что позади изолятора. Сережа хороший человек, доверяй ему.

Глава 2

Воспоминание первое

Росла Наташа в обыкновенной малоимущей семье. Мать, которую до пенсии все звали Нинка, мыла полы в штабе их военного городка. Жили они в старом пятиэтажном доме на последнем этаже, осенью-весной у них капало с потолка, а зимой дуло из растрескавшихся окон. Отец пил, матерился и распускал руки, как все прапорщики. Мама терпела побои и запои. А куда деваться – трое детей.

Наташка была зачата по пьяни, случайно. Что именно в тот вечер отмечали, никто не помнил. Гостей набился полный дом, и каждый пришел с бутылкой. Из закуски мама выставила вареную картошку и селедку. Упились так, что утром женщина проснулась на своей кровати между мужем и его другом.

Третьего ребенка в семье не хотели, денег не хватало и на двоих детей. Мать не предохранялась и не беременела уже семь лет, все-таки ей уже перевалило за сорок, да и пила она много, а тут на тебе! Отец кричал, что Нинка залетела не от него, а от другого прапорщика, Гришки. Мать плакала и убеждала, что в жизни не изменяла мужу.

Жизнь дочки прапорщика была нищей и бесцветной. Только мечты позволяли Наташе чувствовать себя человеком. Она то хотела стать актрисой, как Надежда Румянцева или Джина Лоллобриджида, то мечтала выучиться на портниху и шить себе модные платья, такие же, как у соседских девочек, то представляла себя врачом, а то просто богатой женщиной...

Волосы мама ей заплетала в тугую косу и завязывала замызганным серо-белым бантом. Школьную форму Наташа носила по три года, пока та не становилась ей окончательной мала. Из-под короткой юбки вечно торчали длинные худенькие ноги, с которых постоянно сползали белые гольфы. Грудь у нее появилась только к четырнадцати годам, позже многих в классе, но была такой маленькой, что бюстгальтер не требовался.

Старшие братья Наташу не любили. Если она стояла в коридоре и мешала им пройти, они не дожидались, когда маленькая сестра сделает шаг в сторону, а толкали ее в стену или били кулаком в бок, и Наташа отлетала или падала на пол. Отец не обращал на дочь никакого внимания, она для него не существовала. До поры до времени... Только мама иногда жалела дочь и тайком клала в карман школьной формы то конфету, то печенье.

А потом мать умерла, и стало совсем тошно. Погибла Нинка нелепо. Мыла на работе полы, поскользнулась на мокром мраморе лестницы и скатилась вниз, сломав шею.

Увидев на кладбище маму в гробу, Наташа потеряла сознание. Ее поддержала пожилая соседка, тетя Полина, дружившая с мамой. Именно она помогла накрыть поминальный стол и помыть после гостей посуду. Присутствовавшие на поминках гости напились, подрались и, как это часто водится, сначала запели, а вскоре захрапели. Отец и братья упились до зеленых чертей.

После похорон мамы Наташа как бы замерла. Автоматически мыла за всеми посуду, готовила и убирала в квартире. На уроках сидела тихо и смотрела в пространство немигающими глазами. Учителя, зная о ее горе, к доске не вызывали.

Четырнадцатилетие Наташи пришлось на девятый день поминок. Два события братья и отец отметили в своем мужском кругу, забыв пригласить к столу именинницу. Позвали, когда кончилась водка, заставили сбегать в магазин. Пока они «разогревались» следующей дозой алкоголя, Наташа решила попить чаю. Она сняла с плиты горячий чайник. Именно в этот момент старший брат, Славка, толкнул ее, и кипяток брызнул на колени второго брата, Эдика.

Били они ее так, что даже привыкший к насилию отец раскидал братьев.

– Убьете, а мне потом передачи вам в тюрьму таскать?

– А чего она кипятком плесканула? – возмутился Славка и пнул лежащую под ногами сестру.

– И мать ей не жалко. Ни разу не заревела. Убогая! – пьяно заключил Эдик, стоя у раковины и отмывая руки от крови.

Отец поднял дочь с пола и на руках отнес в комнату, бывший чулан. На этом уход за ней закончился.

Крови было много, она лилась по волосам из разбитой головы, носа и губ. Душа Наташи наполнялась жгучей, сжигающей ненавистью.

Утром она не смогла встать, ломило все тело и кружилась голова.

В час дня Наташа сползла с кровати и побрела мыться. Руки дрожали, ноги подгибались... Отмываться от крови пришлось долго.

Днем к ней пришла одноклассница Неля.

– Что-нибудь пожрать у тебя найдется? – первое, что спросила подруга прямо с порога.

– Гречка с тушенкой, от вчерашнего праздника осталась.

– А ты сама есть будешь? – поинтересовалась Нелька и прошла на кухню, не обращая на подругу внимания. – Чего ты в коридоре стоишь? Иди сюда, на свет.

Не оборачиваясь, она гремела крышками на кастрюлях.

Оставаясь в тени, Наташа пожаловалась:

– Свет глаза режет, я у себя в комнате полежу. Ты поешь и приходи ко мне.

– Я мигом, ты там не засыпай, мне поболтать хочется.

Улегшись в кровать, девочка до подбородка закрылась одеялом.

– Ой, кошмар какой! – запричитала Неля, разглядев подругу. У той распухли нос и губы, появились синяки под глазами, на лбу красовалась ссадина. – Опять тебя братья побили? Надо врача вызвать, вдруг у тебя перелом носа или сотрясение мозга?

Она встала, чтобы подойти к телефону, стоящему в коридоре, но Наташа ее остановила.

– Не звони, Неля, я никого не хочу видеть! – Наташу бил озноб, и голос звучал очень жалостливо.

– Я и слушать тебя не буду. С таким папашей, как у тебя, можно загнуться, а он не почешется.

Врач приехала через полчаса. Она внимательно осмотрела Наташу и вызвала милицию.

– Я упала с лестницы, как мама, – неуверенно врала девочка.

– Ее, наверное, братья избili. – Неля с ужасом смотрела на Наташины синяки и ссадины. – Они знаете какие гады?

В эту минуту в квартире появился Славка.

– Твоя работа? – спросил его участковый.

Вертлявый и кривой старший брат замахал руками:

– Нет! Я ее пальцем не трогал, наврала она все!

– Еще раз увижу на ней побои – посажу. Понял? А ты пиши заявление об избииении, девочка.

– Не буду, – тихо сказала Наташа. – Не буду.

– Смотри, девонька, сама себя наказываешь. Доведут они тебя когда-нибудь до могилы. А за тобой, Славка, я лично присмотрю! – пригрозил милиционер и ушел.

С того черного дня у Наташи одна беда следовала за другой.

Через неделю, когда сошли синяки, она начала ходить в школу, но стала совсем не такой, как раньше, – с детским восприятием что-то случилось, она не понимала того, что говорят учителя. Однажды, когда два класса сажались в автобус, чтобы поехать в Калининград, в Музей янтаря, Наташа потеряла сознание, ее привели в чувство и отправили в медпункт. Девочка стала плохо учиться. Сначала учителя из жалости ставили ей тройки, а потом отчислили из школы, дав справку с диагнозом «умственная отсталость».

Спецшколы в их военном городке не имелось, и Наташа просто сидела дома. Она убирала квартиру, всех обстирывала, начала готовить по кулинарным книгам. Из минимума продуктов девочка умудрялась делать такие блюда, каких в их доме никто и в глаза не видывал. Отец и братья удивлялись и вместе с приходившими гостями сметали все без остатка под очередную бутылку водки.

Глава 3

Мечты сбываются

Когда машина остановилась у усадьбы, Наташа не поверила своим глазам. Дом был похож на небольшой дворец. Сад перед ним, клумбы и цветочные шпалеры напоминали кадры из фильмов про Анжелику и короля.

Внутри дома сходство с дворцом было еще большим. В просторном зале на полу лежал персидский трехметровый ковер, на стенах с шелковыми обоями светились бронзовые бра с хрустальными подвесками, с потолка свисала двухметровая люстра в виде хрустальной горы. Мебель была в стиле ампир на гнутых ножках, обитая гобеленом, видимо, из дерева ценных пород. Дверцы шкафов украшали инкрустации, в камине, отделанном мрамором, горели массивные поленья.

Пока Наташа восхищенно осматривалась, к ней подошла полненькая, улыбающаяся женщина. Она сняла с ее плеч промокшую шаль и накинула длинный махровый халат.

– Меня зовут Надежда, ты слышала обо мне. Я – домоправительница. Пойдем на второй этаж, там находится спальня Эстер, теперь она твоя.

Поднявшись за Надеждой по резной лестнице на второй этаж, Наташа еще раз поразила красоте дома, его убранству. Большая кровать в спальне розовела атласным, расшитым райскими птицами покрывалом, сверху нависал такой же балдахин с золотыми кистями. Туалетный столик был в виде кованой консоли со столешницей из белого мрамора. Белой, вернее кремовой, была и вся мебель.

– Теперь ты, Натали, будешь жить здесь. – Надежда с улыбкой провела рукой по покрывалу. – Привыкай, голубушка, осваивайся.

Натали, выросшая в темной комнате, бывшем чулане, была очарована. Она прошла через спальню ко второй двери, открыла и, к своему удивлению, оказалась в ванной комнате.

Большую, идеально чистую голубую ванну и раковину украшал темно-синий орнамент. Краны были позолоченные. Полотенца махровые, белоснежные, с шелковой каймой. . .

Наташа зажмурилась, затем открыла глаза и подумала: «Я в раю. Спасибо тебе, Господи!»

– Нет! Спасибо тебе, Эстер, – прошептала она вслух.

В ванну набиралась вода, от ароматной пушистой пены шел пар.

Платье и дешевенькое сатиновое белье Наташа сбросила на пол, перелезла через высокий бортик и легла в воду. Сколько времени она отмокала, девушка не знала. Несколько раз она доливала горячую воду и добавляла различные ароматные пены.

Постучав в дверь и получив разрешение войти, в ванную комнату зашла Надежда и собрала «прошлую жизнь» Натали – платье и нижнее белье.

– Выброшу на помойку. Господи, ну и гадость ты носила. Потом зайди в спальню, одежды у Эстер целый шкаф. Выбери. А я пойду разогрею обед. Ты, наверное, проголодалась?

– Очень, – ответила Наташа и улыбнулась Наде со счастливыми слезами в глазах. – Я как будто сейчас смываю с себя прошлую грязь, я омываюсь.

Глядя на девушку, Надежда чуть не заплакала сама. Как же хороша была худенькая Натали в пене голубой ванны, как была приятна ее благодарность!

«Эстер редко ошибается в людях», – подумала Надя.

Обед состоял из фруктового салата, грибного супа и куриного суфле с гарниром из молодого вареного картофеля с укропом. Наташа проглотила все три блюда за пятнадцать минут.

– Очень, очень вкусно, тетя Надя. А Эстер не зря вас так нахваливала. Вы ведь с ней пятнадцать лет живете?

– Да, моя девочка, я знаю об Эстер все. Много чего видела в этом доме. Работать у нее – сплошное удовольствие. Я была одноклассницей ее мамы, а после моего переезда в Калининград Эстер взяла меня к себе на работу. Я приезжала к ней каждый день, кроме выходных. По выходным я обихаживала своего единственного сына, Николая. А двенадцать лет назад... Ой, Натали! – Надя взяла салфетку и прижала к глазам. – Страшно вспомнить. Мой сын, моряк, не вернулся из плавания. – Отложив салфетку на стол, Надежда выпрямилась, голос ее стал тверже. – Мы, родственники и друзья наших ребят, обили все пороги. Но нам ничего не объяснили.

– Господи, горе-то какое! – Наташа отставила бокал с водой. – Вы его, наверное, очень любили...

– Не то слово «любила» – я жила им. Материнская любовь – она самая верная и долгая. – Вздохнув, Надежда продолжила: – Так вот, когда Эстер обо всем узнала, она увезла меня сюда. Ворвалась в мою квартиру как раз в тот момент, когда я хотела выпить таблеток и умереть. Спасла. Она объяснила, что я дура и сын мой не утонул. И действительно! Как же иначе, Натали? Не было найдено ни одного тела моряков, ни самого корабля. Как мне объяснила Эстер, все они сбежали за границу, поэтому такая секретность и неопределенность. Так что жду, когда ситуация изменится и Коленька сможет со мной общаться. Чего это ты трясешься, Наташенька? – Женщина встала, подошла к девушке и потрогала лоб. – Да у тебя температура. Давай-ка в кровать, заболела ты.

Простуда проявилась высокой температурой. К полночи дошло до тридцати девяти градусов. Надежда уже хотела вызывать «неотложку», но после рассвета жар спал, и Натали, проведя весь день в кровати, к вечеру встала совершенно здоровой.

– Все, тетя Надя, я окончательно перегорела и очистилась.

Глава 4

Воспоминание второе

На втором этаже подъезда жила семья подполковника. Две маленькие дочки-близняшки ходили нарядные, как куклы. Наташа завидовала им до слез. Ей отец не покупал ничего и никогда, и она донашивала мамину обувь и платья.

Жена полковника, Серафима Олеговна, не найдя для себя достойной работы в гарнизоне, стала обшивать себя, мужа и дочек. Часто она отдавала Наташе свои платья, чуть поношенные, и девочка ушивала их на старенькой швейной машинке «Зингер».

Однажды Наташа позвонила в дверь полковницы, и Серафима, открыв ей, в очередной раз поразила худобе девочки и странности ее взгляда, словно она не от мира сего.

– Тетя Серафима, можно я посмотрю, как вы шьете? А то отец ругается, что я ничего не делаю.

– Как это ничего? Да на тебе весь дом держится, миленькая. Ладно, проходи в квартиру, я как раз крою сарафаны – себе и девочкам. А на следующей неделе буду шить мужу летние брюки.

Через месяц Наташа научилась делать выкройки. Но частенько она прибегала к Серафиме только для того, чтобы не находиться в одной квартире с братьями. Сидела и смотрела телевизор. С девочками она так и не смогла подружиться. Они были на пять лет младше, да и вообще, как большинство близняшек, дружили только друг с другом.

Забыв о предупреждении участкового, братья опять начали пинать и отталкивать сестру, знали, что Наташка-недоумок не пойдет жаловаться.

– Ты, дебилка... Подай... Убери... Принеси... – слышалось от них.

Отец еще добавлял: «Нагулянная шалава». Он так и не поверил, что жена ему не изменила в далекую запойную ночь.

Школьные подружки, даже Неля, постепенно перестали приходить к ней в гости и приглашать к себе. Чтобы заполнить время, Наташа начала много читать.

Очередным ударом для девочки стал перевод подполковника в другой гарнизон. Семья переехала вместе с ним. При прощании Серафима подарила Наташе тридцать томов Советской энциклопедии и два десятка любовных романов. Наташа осталась совсем одна.

На ее счастье, у другой соседки, тети Полины, родился внук, и Наташа стала ежедневно прогуливаться с коляской, освобождая Полину от этой обязанности.

Два года прошли относительно спокойно. Наташа то шила, то читала. Помимо любовных и детективных романов, она проштудировала всю Советскую энциклопедию.

Однажды ночью скрипнула дверь. В ее комнату-чулан вошел пьяный отец. Из одежды на нем были только носки и тапки. При слабом свете, сочившемся из коридора, Наташа увидела вялый отросток между ног.

– Выросла, нагулянная дрянь? Будешь отрабатывать мой хлеб.

Терпеть пришлось минут пять. Было больно и противно.

Отвалившись от Наташи, отец встал, пошатываясь.

– Тошная ты слишком, жрать надо чаще. – В дверях он обернулся: – Если кому-нибудь расскажешь, убью!

Наташу вырвало прямо на пол, и пришлось вставать, отмывать себя, менять простыню, протирать пол.

Кровать теперь напоминала ей Голгофу. Слово это Наташа узнала в школе, когда они проходили по истории Древний мир. Запомнила она его по аналогии, как запомнила многое другое: гол – голый, гофа – софа, кровать, на которой спали мать с отцом.

Утром не хотелось выходить из своей комнаты. Ей казалось, что ночной позор будет виден всем. В магазине, на улице на нее будут показывать пальцем, смеяться в лицо и обзывать грязными словами.

Отец стал приходить к дочери регулярно – через день. Наташа молча терпела ночные измывательства, да и кому она могла рассказать об этом?..

Через месяц она почувствовала утром головокружение и тошноту.

Первой изменение в состоянии девочки заметила соседка, тетя Полина, которой Наташа принесла ушитый пиджак ее мужа. Тот растолстел и обзавелся пивным брюшком, пришлось отдавать пиджак сыну.

– Ты что такая бледная, Наташенька? Не заболела? – ласково спросила соседка.

Тетя Полина жалела Наташу, хотя дружить с девушкой, как Серафима, она не могла – ей хватало проблем с сыном, невесткой, внуком и запойным мужем.

– Выпей чаю с яблочным пирогом. Вкусный, сама пекла.

– Спасибо, но не хочу, не могу. – Наташа вытерла проступивший на лбу пот. – Меня что-то тошнит...

– А месячные у тебя давно были? – Полина от любопытства приоткрыла рот с золотыми зубами.

– Уже две недели задержка... – тихо ответила девушка.

– И от кого задержка? – В глазах Полины появилось сочувствие и азарт сплетни.

Наташа не ответила, стыдливо отвернулась. Соседка вздохнула.

– Ну не хочешь, не говори. Что теперь будешь делать?

– Не знаю, – заплакала девушка.

Отец продолжал приходить ночью, но ничего не замечал до тех пор, пока живот Наташи не начал ему мешать удовлетворять свою похоть.

– То тощая была, то разжирела, как свиноматка. – Он кинул на Наташу одеяло. – Прикрой живот, смотреть противно.

– Я беременна, – тихо сказала девушка.

– Вот дебилка! Что же аборт не сделала? – Отец осуждающе хлопнул резинкой тросов.

– Побоялась. Денег на это у меня нет. Да и потом, спросят, от кого...

Больше отец к ней не приходил. Вечерами напивался.

Иногда все трое пускались в загул, выпивая по бутылке водки каждый. Утром Сташенко-старший мог проспать побудку на службу, тогда к нему присылали дежурного бойца, и тот шел за пивом или приносил из части пятьдесят граммов спирта.

Глава 5

Ученье – свет, а неученье – тьма. Ученье – это деньги в перспективе

Вечером второго дня пребывания в новой жизни Натали медленно ходила по дому в теплом бирюзовом халате. Она трогала мебель, антикварные вещи, тяжелые двери с непривычно изящными ручками, обои, светильники. Ей нравилось все, но больше всего поражал огонь в камине.

Она придвинула кресло к нему и протянула руки к живому теплу.

В гостиную вошел Сергей, в правой руке держал странную штуковину в виде полуведра, в которой лежали длинные дрова, в левой – корзину с сорванными в саду яблоками. Он ей весело подмигнул.

– Привыкаешь, хозяйка? Хочешь яблочка?

– Да какая я хозяйка, – смутилась Натали. – Это все принадлежит Эстер. А я так, гостя.

– Да ладно. – Сергей поставил на журнальный стол корзину и, отодвинув экран перед камином, стал докладывать дрова. – К хорошему привыкают быстро. Эстер передала письмо, что ты теперь во всех ее правах. А чего ты на кухню не идешь? Надюха там напекла моих любимых пирогов с капустой.

– Ой, – Наташа тут же вскочила. – Я очень, очень хочу есть, а сказать неудобно. Пойдемте? – Она просяще посмотрела на Сергея, и тот рассмеялся.

– Я уже Надюхиных пирогов наелся. А если я еще раз на кухне появлюсь, она не так поймет и будет полночи ломиться ко мне во флигель. Я, Наташа, пока здесь, у вас поживу. Через месяц уеду, свои дела. А пока я... – Сергей посерьезнел. – Отсиживаюсь. Ладно, иди поешь, а то худеющая, как швабра.

Из кухни шел сногшибательный запах пирогов. Наташа прибавила шагу и вошла в просторное помещение, оборудованное в лучших прибалтийских традициях: медные и чугунные сковородки, развешанные по стенам, ножи в прорезях деревянной подставки, широкий обеденный стол с шестью стульями, разделочный стол между плитой и каменной раковиной, газовая плита и трехдверный холодильник.

На столешнице разделочного стола стоял противень с пирогом, украшенным решеткой из перекрученных жгутов теста. Свежевыпеченный пирог благоухал классикой – капустой с яйцами и обжаренным лучком. Надя разрежала его на ровные порции.

– Я очень хочу есть, – потупясь, произнесла Наташа.

– И это правильно. – Переложив кусок выпечки на тарелку, Надя поставила ее на стол и рядом положила вилку с ножом. – Садись. Пирог лучше всего есть, пока он горячий.

Сполоснув руки, Наташа села за стол.

– А кто этот Сергей? Шофер? – Взяв рукой весь кусок пирога, Натали поднесла его ко рту, вдыхая горячий сытный запах.

– Положи обратно, – строго сказала Надя.

Наташа тут же плюхнула выпечку обратно и, пошевелив ставшими масляными пальцами, с трудом остановила себя, чтобы не вытереть их о халат.

– Салфетка, – намекнула домохозяйка. Проследив за действиями девушки, она продолжила: – У тебя справа от тарелки нож, а слева вилка. Воспользуйся ими.

Послушно отрезав кусок, Натали начала есть.

– А кто?.. – начала она повторять свой вопрос, но Надя опять ее перебила:

– Не разговаривай с набитым ртом.

Отложив на тарелку свою порцию, Надя накрыла пирог белым полотенцем и села напротив Наташи.

– Сергей не шофер. Он вел дела вместе с Анастасом, любовником Эстер. Помогал. После несчастного случая с Анастасом, когда тот умер... – Съев первый кусочек, Надя вдумчиво его прожевала. – Нормально получилось... После несчастного случая Сергею пришлось оплатить некоторые неустойки из своего кармана, и он продал квартиру. Пока живет у нас. То есть у тебя.

– У Эстер, – добавила Надя.

– А Эстер он любит. Давно. Сергей красивый мужчина, правда?

Посмотрев на Надю с недоумением, Натали пожала плечами.

– Я не знаю. Не люблю мужчин.

– Понятно. Мне Эстер что-то такое страшное писала. – Глянув на побледневшую Натали, она смутилась. – Не будем про это. У нас насыщенная учебная программа. Когда начнем? С понедельника?

– А какой сегодня день недели? – Подобрав с тарелки вилкой остатки пирога, Натали, улыбаясь, посмотрела на Надю.

– Четверг.

– Тогда начнем завтра.

Преподаватель английского – шестидесятилетний Сарий Наумович – был доволен новой ученицей. Девушка схватывала на лету учебный материал, закрепляя его самостоятельной работой.

У Сария была особенная методика – спиральная: сначала слово, потом два, потом предложение, а дальше целый рассказ. Часто использовались параллельные тексты одного рассказа на английском и русском языках. Сравнивая их, ученик легче запоминал не только слова, но и правильно построенные фразы.

Натали и Надя начали вечерами смотреть фильмы на английском языке, причем им не надоедало частенько их пересматривать. Диалоги из фильмов обе знали наизусть и часто, готовя обед или пропалывая цветочные клумбы, перекидывались английскими фразами, повторяя целые сцены.

Сергей, все реже приезжавший в дом-замок, смеялся, глядя на них.

Однажды он привез им помощницу по хозяйству, девушку со странным лицом – Марию. Она была в просторном пышном синем платье и войлочных полусапожках, прозванных «прощай молодость». Девушка топталась, восхищенно оглядываясь.

– Что это с ней? – обеспокоенно спросила Надя при первой встрече. – Она не опасна?

– Да что ты, Надюха. Она же даун, а они, дети солнца, абсолютно безобидны. У них есть ген истерики, но нет гена агрессии. – Сергей поцеловал Надежду в щеку. – Не волнуйся, домоправительница, она будет верной и молчаливой.

Надежда ни в чем не могла отказать Сергею и, пожав Машину вялую, полную ладонь, произнесла:

– Привет. Проходи, я тебе покажу твою комнату.

– Мою? – Девушка смотрела на Надю наивными, чуть раскосыми глазами. – Я буду одна в комнате?

– Да. – Надя повернулась к Сергею. – А в магазин она сможет ходить?

– Конечно. Она даун, а не идиотка. Маша, возьми пакеты с продуктами из багажника, пойдем в дом.

За их разговором Наталья наблюдала, сидя в клумбе среди высоких цветов. При виде Маши сердце ее сжалось от жалости к рожденному ею мальчику.

Глава 6

Воспоминание третье

Весной, в теплый апрельский день, прошли спонтанные роды: воды отошли, когда дома никого не было. Родила Наташа на кухне, на полу, сама. Пуповину перерезала кухонным ножом – вычитала в энциклопедии, что надо сделать при родах, когда рядом нет врача. Посмотрев на синюшного, скользкого новорожденного мальчика, она передернулась от отвращения.

Наташа хотела девочку и мечтала, какой хорошей будет ей мамой: будет ее купать, причесывать, завязывать бантики, сама станет шить дочке платья... И любить... Любить так, как никто никогда не любил ее саму...

Вечером зашла тетя Полина со своей близкой знакомой – главным врачом Дома ребенка, женщиной необъятных размеров.

– Слышу, кто-то попискивает. – Полина деловито прошла на кухню. – Поняла, что у тебя прибавление. Вот, привела Зинаиду Валентиновну. Она поможет. Неси своего грудничка.

– Да, сейчас. – Быстро сбегав в свой чулан, Наташа принесла сверток. В стареньком одеяле мирно спал крохотный ребенок со странным личиком. – Вот, посмотрите.

– Тэ-экс... Оформляй отказ, – нахмурилась Зинаида Валентиновна. – Мальчик болен – синдром Дауна. У него лишняя хромосома...

– Чего лишнее? – Наташе не хотелось признавать, что она родила неполноценного ребенка. – Я пальчики пересчитала и на руках, и на ногах.

– Посмотри, у него узкие, миндалевидные глаза и увеличенная голова. Это первые признаки. – Директриса начала сердиться. – Ох уж эти мне молодые мамы. У меня знаешь какой опыт! Насмотрелась. Дети эти умственно недоразвиты, отстают во всем... Значит, так, завтра утром поедешь со мной в Дом ребенка. Я помогу тебе оформить бумаги.

– Действительно, Наташенька, как ты одна ребенка поднимешь? – Тетя Полина забрала у девушки мальчика. – Был бы здоровенький – другое дело, можно и потерпеть, а с этим... Тебе всего семнадцать, а ни работы, ни образования. Только справка о том, что ты... больна. Братья – звери, отец не лучше. Пойдем ко мне, чайку с водочкой попьем.

– А кто отец ребенка? – поинтересовалась Зинаида Валентиновна. – Его можно привлечь за изнасилование малолетней гражданки.

– Она не скажет, я десять раз спрашивала. – Полина подталкивала Зинаиду к двери. – А ребенка мы здесь оставим, он тихий. Ты, девонька, не привыкай к нему. Ни к чему это.

На следующий день мальчика без имени и отчества забрали в Дом ребенка.

Оправилась молодая мама после родов быстро. Молоко в груди перегорело само, а через неделю отец снова вспомнил дорогу в ее комнату-чулан.

Ни он, ни братья не спросили, куда делся ребенок.

Терпение после родов у Наташи закончилось. Она подралась с отцом и попыталась закрыть дверь комнатки, за что была жестоко избита.

Братья посмеивались.

– Радуйся, что только отца ублажаешь, – похотливо ржал Эдик. – Вот поссорюсь со своей Иркочкой и тоже буду к тебе ночью ходить или днем, чтобы из-под отца не брать.

От перспективы быть изнасилованной еще и братьями Наташа впала в ступор до середины ночи. Вторую половину думала – куда ей убежать. Паспорт она получила в шестнадцать, немного денег у нее было – скопила то, что платили за пошив и переделку одежды.

И вдруг, когда она стояла посреди коридора, между дверями в комнату отца и комнату братьев, у девушки появилась четкая мысль: «А почему я должна сбегать от этих уродов? И

вообще, зачем им жить, недочеловекам? Я их всех убью, и Бог меня простит за очищение земли от грешников. Меня посадят, но лучше в тюрьме, чем здесь».

Заработанные деньги Наташа потратила на канистру бензина – хватило на пятнадцать литров. Саму канистру нашла во дворе у гаражей. Спрятала опасную покупку в сарае, где жильцы хранили картошку и бочки с соленой капустой и огурцами.

После алкогольных возлияний прапорщик и его сыновья всегда спали очень крепко. В субботу, когда все три изверга храпели дома, источая жуткий перегар, Наташа решила осуществить задуманное. Она еле дотащила из сарая в квартиру канистру, полила бензином пол в комнатах и коридоре и чиркнула спичкой...

Ни отец, ни братья не проснулись. Целую минуту Наташа не могла сдвинуться с места, наблюдая за поднимающимся по стенам и расстилающимся по полу пламенем, чувствуя, как очищается ее душа... Лишь когда огонь лизнул ей ногу, она выбежала на лестницу и заперла дверь на замок.

Быстро спустившись, она поставила канистру под лестницей первого этажа, снова поднялась и начала стучать в соседские двери и кричать:

– Пожар! Пожар! Спасайтесь, люди добрые!

Наташа вопила во весь голос, спускаясь по лестнице, чтобы никто, кроме ее мучителей, не пострадал.

Сонные соседи в пижамах, халатах, а то и просто в трусах и майках повыскакивали из своих квартир. Тетя Поля прихватила сумку с документами и маленького внука, оставленного родителями на выходные, ее муж – бутылку водки.

Наташа радостно прыгала по лестнице. Девушку схватил в охапку сосед Вовка, выволок во двор.

– Совсем ополоумела, стой вон под той березкой и не вопи!

Сбегавшие вниз люди кричали, дети плакали. Началась паника...

Пожар локализовался в квартире и никуда не перекинулся, все-таки последний этаж.

Когда его наконец потушили, из квартиры прапорщика вынесли три обгоревших трупа. Все успокаивали Наташу, правда, вяло, никто жестоких мужиков в подъезде не любил и не уважал.

Проводив взглядом две машины «Скорой», Наташа подняла руки и, прыгая, радостно кричала:

– Это я подожгла! Я! Убила этих монстров, так им и надо! Посадите меня в тюрьму!

Тетя Полина закрыла ее своим мощным телом, а двум милиционерам, топтавшимся у подъезда и мешавшим пожарным, безостановочно твердила:

– Не обращайтесь на нее внимания, она не понимает, что говорит. Девочка умственно отсталая. Она даже в школу не ходит.

Вышедший из подъезда пожарный эксперт нес канистру.

– Чье? – спросил он, оглядывая толпу соседей.

– Мое! – радостно призналась Наташа. – А бензин я купила на заправке у продовольственного магазина. Меня там парень запомнил... забыла, как его зовут. Я ему сказала, что бензин мне нужен квартиру поджечь. Он очень смеялся.

– А ты, тетя Поля, говоришь – не виновата. – Милиционер помладше, старший лейтенант, надел на запястья Наташи наручники.

Глава 7

Школа рабочей молодежи

С октября, на месяц позже других, Наташа пошла учиться в вечернюю школу, то есть в Школу рабочей молодежи: ей нужен был аттестат для поступления в институт.

Учиться в вечерней школе могли только работающие люди. Посоветовавшись с Сергеем, Надя сходила в порт к знакомым Эстер и оформила Наталью Петровну Сташенко на должность учетчицы причала торгового морского порта. В рыбном морском порту работать было выгоднее, но Наташе не нужны были деньги – ее манила иная перспектива. К тому же запах в рыбном порту сбивал с ног метров за сто до моря. Вряд ли начинающая соержанка Натали может рассчитывать на успех у мужчин, если станет пахнуть как русалка.

Две пожилые женщины, получавшие в подарок то, что разгружалось из контейнеров, – сахар, куклы, сыр, автомобильные шины или ткани, сначала смотрели на Надежду с тихой ненавистью, но ничего сделать не могли. По штатному расписанию было три ставки учетчиц, значит, работниц должно было быть не меньше. Учетчицы сами искали женщину, которая закрывала бы глаза на то, что они ежедневно получали взятки, а тут им навязывали неизвестного человека.

Узнав, что новая сотрудница, племянница Надежды, будет только числиться, но не приходить и не мешаться под ногами, они вышли к «Бентли», который Надежда научилась водить сама, и завалили заднее сиденье пакетами с продуктами и вещами.

– У нас все есть! – пыталась сопротивляться Надя.

– Да кто б сомневался, если на такой машине пересекаете, – веселилась учетчица помоложе. – Но мы в благодарность... Понимаете?

– А куда приносить копеечную зарплату твоей племяшки? – решила уточнить старшая учетчица.

– Дорогие девушки, – Надя следила, как ловко упитанные женщины укладывали свои «подношения» на кожаные сиденья, – я все понимаю. Зарплату будет забирать ваш начальник, так что не стоит суетиться.

– Еще лучше. – Старшая учетчица захлопнула дверцу автомобиля. – Я себе тоже могу такую игрушку позволить. Но боюсь, ОБХСС за жабры возьмет.

В школу Наташа ходила с большим удовольствием. За те два с половиной года, что она не училась, у нее развился комплекс неполноценности. Сейчас она с утра занималась дома, а вечером грызла гранит науки в школе. Она действительно сидела на всех уроках. Если в расписании стоял английский, Натали шла на любой другой урок и повторно слушала либо физику, либо литературу, либо еще что-то, по настроению.

От английского ее освободил Сарий Наумович. Его бывшая ученица теперь работала учительницей в Рабшколе и под честное слово и сто рублей с радостью согласилась автоматом ставить школьнице Сташенко в журнал пятерки.

Школьной одеждой для Натали Надежда занималась сама.

– Черный верх, черный низ, без косметики. Курточку я тебе уже купила.

Даже не избалованная вниманием и хорошей одеждой Наташа изумилась фасончику той жути советского производства, что предъявила ей Надежда: серый клеенчатый материалчик, на подкладке ватин, спереди ржавые заклепки.

– Теть Надя, а ничего страшнее не было? – решила пошутить девушка.

– Не было, – серьезно ответила Надя. – Я бы взяла. Тебе с твоей внешностью и биографией заявляться красавицей и богатой ученицей нельзя. Со свету сживут. И ни с кем не дружи. Нет в твоей Рабшколе у тебя ни друзей, ни подруг. Поверь мне.

Собственно, никто Наталье в друзья и не набивался. После первой недели учебы, когда она отсидела все уроки, к ней подошла одноклассница в модных джинсах и дефицитной болоньевой куртке финского производства и поинтересовалась:

– Ты чего, дура, что ли?

– Да. – Наташа честно смотрела в глаза девушки, старше ее лет на пять. – У меня и справка есть.

После двух-трех разговоров в подобном тоне от «дурочки» отстали.

В зимние каникулы Наташа одна поехала в Гусев, в Дом ребенка, забирать своего больного малыша.

– Ты не стесняйся, плати, – наставляла ее Надя. – И обязательно звони, как только забереешь дитятку – я сразу начну обустраивать детскую комнату. А до звонка не буду, плохая примета.

В скромно обставленном кабинете сидела толстенная Зинаида Валентиновна в накрахмаленном белом халате и медицинской шапочке на седых волосах. Зашедшую к ней молодую женщину встретила неприязненно:

– Вижу-вижу. Никаких справок не даем. Раньше надо было думать.

Еще год назад Натали испугалась бы и тихонько исчезла из кабинета. Теперь она уверенно подошла к столу, села на стул для посетителей и расстегнула роскошную шубу из чернобурки.

– Это я, Зинаида Валентиновна, Наташа Сташенко. Хочу забрать своего сына. Помните, с диагнозом даун?

– Тэ-экс. – Оглядев с ног до головы девушку, главврач наконец-то улыбнулась. – Н-да, время меняет людей. Откуда деньги?

– Меня удочерили, – уверенно соврала Наташа. – Как быстро я смогу забрать мальчика? Я заплачу.

Поправив бумаги, лежащие на столе, Зинаида посуровела.

– Дело серьезное. Я не могу дать сведения, по закону не положено, поэтому я возьму у тебя деньги. – Зинаида говорила, сдвинув брови и глядя Наталье в глаза. – Тэ-экс... Себе на сапоги и хочу сделать в приемной ремонт, а то самой смотреть неприятно. Можешь столько заплатить?

– Смогу. – У Наташи сильно забило сердце и задрожали руки. Она сцепила их, чтобы не выдать волнение. – Сколько?

– Вот столько. – Зинаида написала цифру, показала Наташе и спрятала бумажку в карман халата. – Тэ-экс. У нас за этот год было пять поступлений, три смерти младенцев. – Увидев, как вздрогнула девушка, директриса развела полными руками в золотых кольцах. – Дети-то чаще всего больные, с патологиями. Слава богу, еще не дошли до того, чтобы от здоровеньких отказываться. Ты подожди, я сбегаю в архив, уточню.

Выйдя из-за стола, Зинаида, переваливаясь, как толстая утка, зашпешила к двери. Проходя мимо Натали, она на секунду задержалась, и девушка быстро сунула в карман ее халата несколько купюр.

Сидеть Наташа не могла. Встала и ходила по кабинету из угла в угол, покусывая жгуче-черную прядь волос.

Через двадцать минут заведующая вернулась и устало села за стол.

– Мальчик твой умер два месяца назад. Не перенес двухстороннюю пневмонию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.